

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Александр Скидан. «земля-земля». Стихи

«провел сегодня на караванной улице два часа / но не в доме кино на посланих к человеку / а в другом доме на посланих человека на / человека много // даже когда его меньше единицы / которая делится на два / которые не делятся на двоих / что сидят в малом зале дома кино / или в доме немалых знаний / где тоже включают свет когда заканчивается сеанс / и выходят на улицу покурить // здесь на караванной все рядом / рукой подать / до человека / до меньше сигареты которой больше / которой много больше / человека до // vinissimo prostovino косуля дом кино / мама рома порядок слов / переставлен»

Данила Давыдов. «как удивился помощный зверок...» и др. стихи

«сесть в сороковой автобус / смысл не велик, / а покинуть этот глобус / совесть не велит. // те, кого оставишь, если – / вспомнят кое-что. / хоть давно неинтересно, / есть резон зато. // хуже нет на остановке, / если не считать / неумеренной сноровки, / правды сгоряча, // силы сладостной привычки, / трещины внутри, / извлечения отмычки... / вот и шесть три три»

Татьяна Щербина. «Человечество превратится в любимых котиков...» и др. стихи

«Человечество превратится в любимых котиков, / урчащих на виртуальных коленях ИИ. / Невидимая рука роботорынка / Будет наполнять мисочки кормом / для бывших людей, а ныне шипящих котов. / Кошки, гуляющие сами по себе, отвернутся. / – Сам ли Шекспир писал свои опусы? – / спросит бывший человек у ИИ. / – Зачем тебе? – устало молвит ИИшник. / – Это наша история. / – Ваша история – моя пища. / Она должна быть вкусной и полезной / для моих электронных органов пищеварения. / Хорошо, что у вас наступил конец истории, / а то я бы объелся.»

Василий Карасев. «рогоз энрофа открылся и...» и др. стихи

«рогоз энрофа открылся и / выпустил песнь перехода // замерли на морозце пешеходы по / углам с коротких поводков / графитом // павлинами застыл папоротник / быстрый рисунок – тёплый свитер батареи / за ней как прежде многоножки // уровень барханов радужных в виров / раковинах и усиках – зелёный / бархат сливается с багровым // мхом покрытые лестниц в облаках / спирали змеи оживают спрашивая // а чаем тянет сруб стоит спокойно на забор / насев в заснеженном покое сосен / под фиолетовой пагодой // синие пагоды тыков баклажаны в / бубенцах – показывают пруды как // огромных фрактальных структур / стеклянное биение / вольвоксов во тьме за миром с / зелёным внутри светом // подсолнухов пчелиные глаза // мир не накладывает таких / ограничений как нам кажется»

Дана Курская. «Духов двор» и др. стихи

«Не ржавая вода по желобку, / не корабельный червь по мокрой глине, / но странный звук, как будто коготку / не птичьему нейметя в горловине / какого-то нездешнего двора, / где я стою большим дрожащим ухом, / и где полоска неба серебра, / в которой место иволгам и духам. // Не выдохни, но руку протяни, / и вот уже в соседское окошко / идут-бредут бродячие огни, / летят-хотят кровавистые мошки. // За что мне эта тайна наяву? / Как будто я не первая живу».

Алексей Мошков. «Мёртвая зыбь» и др. стихи

«Представляй, что ты уже труп, когда покидаешь кровать, / и не стремись ни к чему, если уж занесло сюда, / но помни, что скоро наступит тотальная благодать, / поскольку кровь уже отхлестала, откуда раньше текла вода. // Улицы отвыкли от цоканья каблучков и топотни подошв. / Но если засечешь мамашу, шаркающую с малышом, / то загляни ей в глаза и по телу проскрябает дрожь, / будто заглянул самой смерти под капюшон: // такие у мамашаи глаза, затянутые пустотой. / Присмотрись к малышу: и с ним что-то не так, / точно он спутал и вылез на этот свет не с той / стороны, но вернулся с того, как вурдалак. // В ночное время вообще лучше не выходить. / Для спокойствия поставь ставни и на дверь – засов. / Смотри по ящику, как мойры плетут свою виртуальную нить, / ибо пряжа вся вышла, хоть на нее и ушло все, вплоть до трусов. // На работу ходи с гаечным ключом в руке. / Всем уже наплевать, но грабителей отпугнёт. / В общем, смирись: жизнь выдавливает тебя, как прыщ на щеке, / и ты сгустком гноя выстреливаешь вперед».

Сергей Солоух. Новые шесть штук. Стихи

«Роскошь иметь убеждения, / И следовать принципам – шик. / Сидит на скамейке старик, / И светел, и прост его лик. // Его благородно старение. / Он чист словно белый металл. / Алхимик его рассчитал / И лишнего не позволял».

Андрей Бычков. Чингачгук. Рассказ

«Резкое ускорение рвало волосы с рельс. Было страшно в лесу. Было страшно с грибами. Лукошко вылезало у Федора из рук. Жилистые руки его несли лукошко. Товарный паровоз с тендером на крыше, оборудованный фуражкой, медленно надвигался через лес.

– Эге-гей! – крикнули в кабине.

Федор снял зимнюю шапку, поклонился, надел, снова снял.

Фарами позднего паровоза осветило лицо Федора...»

Олег Погасий. Твои слезы. Рассказ

«На углу Малого и Десятой линии... или Восьмой, – сомневаешься ты, постоянно путая местонахождения киосков печати и ремонта обуви – куда давно не заглядывал; как там: стоит еще книга или – наконец купили?»» Пробежал сегодня несколько киосков, спустился в переход к станции метро, где в остекленном отсеке прессы, с ценником на пластмассовой скрепке выстает уже два месяца экземпляр из не раскупленных – в длинном пластиковом кармане на почти нижней полке, на уровне колен, ниже кроссворды, раскраски, бабушкины байки, советы садоводам и дачникам, и проч., проч...»

Максим Симбирев. Кузинатра. Рассказ

«Все время я смотрел в окно на Кузинатру и хотел узнать: что за ней, за горизонтом? Казалось, если подняться на нее любой ценой, жизнь станет лучше. В конце марта земля высохла, и я побрел в сторону окраины. Пока шел, испортилась погода, и Кузинатра исчезла в тумане. Ничего не видно, никакого нового горизонта. Для чего я шел по размокшему полю, измазал в грязи джинсы, превратил ботинки в литые чугунные утюги?...»

Сергей Степанов. Брошкин. Рассказ

«Диня долбил дом. У него уже был перед входом высокий, рядов в пять или шесть забор, и он хотел ещё сделать навес, чтоб защищал от дождя и другого плохого, но так как времени оставалось немного и опасное чувство волновало его, он решил для начала разобраться с внутренкой.

Взяв кирку, он подошёл к отвесной скале и стал углубляться в неё. Серые кубики рассыпались под одинаковыми ударами, рисуя стеклянные крапинки одинаковых брызг, и коридор быстро рос, петляя в каменном пятнистом пространстве...»

Максим Эрштейн. Шаромыжники. Рассказ

«– Знаешь, Нина, есть такие люди – с юных лет недовольные собой, вечно в себе копающиеся, находящие у себя всяческие недостатки. В целом они, может быть, и живут в мире и согласии с собой, и вполне жизнерадостны, но где-то, по большому счету, все время хотят меняться, расти, улучшать себя. У них ориентиры, смутное ощущение собственного потенциала, перфекционизм, желание совершить что-то настоящее, книжное, идеалистическое. Где-то в их душе зияют пропасти и высоты, и покалывает периодически чувство, что туда, на самом деле, можно попасть, и дотянуться до облаков тоже можно, но проблема в тебе – ты не развит, слаб, ленив, недостаточно такой, недостаточно сякой. В конце концов именно эти люди двигают мир вперед, и высот своих достигают, но их воспитанная сызмальства нелюбовь к себе играет с ними злую шутку – близкие люди их не любят...»

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Борис Дышленко. Рассказы и пьеса. Вступление Елены Тюленевой

«Борис Иванович Дышленко (1941–2015) – писатель и художник ленинградской «второй культуры», один из первых лауреатов Премии Андрея Белого (1980), постоянный автор журналов «Часы», «Обводный канал», печатался в «Гранях», альманахе «Лепрозорий – 23», составленном К. Кузьминским. Его первый авторский сборник «Повести и рассказы» вышел также в самиздате, в серии «Библиотека журнала “Обводный канал”» (1984)...»

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. Во всяких приключениях

«Из Москвы до Сольвычегодска путь неблизкий – больше тысячи километров на северо-восток. Сначала едешь на поезде “Москва – Лабытнанги” около суток до Котласа, потом на маленьком автобусе по асфальтовой дороге, потом по грейдеру, потом по грунтовке, потом просто по колдобинам до места паромной переправы через реку Вычегду¹. Местных от приезжих отличить легко – приезжие, когда покупают у водителя билет, то говорят: “до Сольвычегодска”, а местные – “до берега”. У переправы все пересаживаются на понтон...»

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Сергей Солоух. Втапоры спазаранушку

«“Былое нельзя воротить”, – как-то меланхолично замечал наш прекрасный бард, имея в виду ужин при свечах в отдельном кабинете. Ужин по спецталону в столовой Нижнетагильского горкома не отзывался в душе поэта острым желанием вернуться в электрический свет лампочек Ильича. Что, в общем, и близко, и понятно. Прошлое нужно человеку только совершенное, которое манит блаженством. Уверенностью в том, что там, далеко-далеко, позади, за “кирпичом” небесного ГИБДД, уже оборваны все связи, окончательно, уж все бури отгремели и ничего плохого по самому определению произойти на может. У светофора безумец не откроет дверь, не плюхнет на заднее сиденье, на перекрестке пьяный не ударит со всей дури в бок зубастым радиатором ГАЗ-21...»

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Николай Подосокорский. Любовь к тайне, жажда чуда

О кн.: Артур Мейчен. Кошмарная строка

Михаил Бешимов. В свете абсолютного другого

О кн.: Анна Горенко. Королевская шкура имеля

Алексей Мошков. Как Маргарита становится Мастером, оставаясь Маргаритой

О кн.: Дана Курская. Путеводитель по краю, или Как стать ведьмой, чтобы родные не вызвали санитаров

Кирилл Ямщиков. Подбирая определение

О кн.: Елена Долгопят. Черты лица

Леонид Ожигов. Стать птицей, снегом или деревом

О кн.: Надя Делаланд. Фигуры и тропы